Часть 5

Ботанический сад был создан в естественных условиях в Асахикаве, в нем выращиваются растения привычные для Японии. Это новый объект, открытый в прошлом году. Бум на подобные места в Асахияме привел к росту числа туристов, но Асахикава остается обычной. Вместо этого ведется активная застройка, призванная переломить плачевную ситуацию, когда многие парковки у крупных супермаркетов переполнены по выходным, но всё это мало что дает. Похоже, жители Асахикавы не любят перемен. Вот почему новый красивый ботанический сад не пользуется популярностью.

— Почему именно это место?

— Я нашла в её бумажнике вчерашний входной билет. — говорит Сакурако-сан, а я смотрю на неё с удивлением.

— Нельзя! Если ты это сделаешь, то помешаешь расследованию!

— Мне было кое-что интересно. Всё в порядке.

Как обычно, у здесь не хватает здравого смысла. Хотя это всего лишь один клочок бумаги, есть вероятность, что он представляет собой важную улика для ареста преступника.

— Ты сказал, что хочешь узнать правду, не так ли?

— Именно так!

Вот почему есть хорошие и плохие поступки! Пока я размышляю о том, как мне удастся заставить Сакурако-сан извиниться перед полицией, такси каким-то образом подъезжает к ботаническому саду.

— Как бы то ни было, мы должны его вернуть.

Я засовываю руки в карманы куртки, стараясь не прикасаться к ней голыми руками. Беру у Сакурако-сан корешок, аккуратно заворачиваю его в салфетку, чтобы на нем не осталось отпечатков пальцев, и кладу в бумажник.

— Тебя действительно беспокоят мелочи.

Сакурако-сан расплачивается с таксистом, жалуясь на то, какой я беспокойный. Мне кажется, что она ведет себя слишком хитро, но я не говорю об этом. Работа с костями — точная работа, занимающая часы, ни с чем не сравнимая. Я вздыхаю.

— Эй! Сакурако-сан!

Как только я выхожу из машины, меня начинает беспокоить вопрос. Как мы будем использовать этот билет? Сакурако-сан уже направилась к стойке регистрации ботанического сада.

— Похоже, он скоро закрывается.

Судя по вывеске, сад закрывается через час. Женщина на ресепшене говорит:

— Мы скоро закроемся.

Сакурако-сан отвечает:

— Нам без разницы. — и покупает билет.

— И куда теперь?

Сакурако-сан смотрит на брошюру, протягивает мне билеты и вдруг поворачивается в сторону. Я бегу за Сакурако по оранжерее, проходя мимо различных растений. Мне досадно, что я даже не могу понять, что она делает.

— Сакурако-сан!

— Цветок, уязвимый к солнечному свету.

— Уязвимый к солнечному свету?

— А, вот.

Наконец, она останавливается и указывает на подпись.

— Растения, растущие в тени, по всей стране?

Прочитав это, госпожа Сакурако кивает… и открывает дверь, ведущую внутрь. Душный влажный воздух окутывает нас. Освещение слабое, а таблички с описанием каждого растения нарисованы флуоресцентной краской. Видимо, цель Сакурако-сан находится здесь, поэтому я проверяю один за другим все цветы и растения.

— Вот он! — Сакурако-сан внезапно останавливается.

— Это?

Здесь растет короткая трава. Есть несколько плодов, похожих на овальные черные ягоды со слегка зазубренными листьями. Я не знаю, что это за растение, но оно чем-то напоминает гортензию.

— Паслен?

На табличке с пояснениями написано: «Scopolia japonica Maxim, семейство Solanaceae». Рядом с травой табличка с надписью, гласящей: «Это опасно, пожалуйста, не трогайте». Сакурако-сан достает из кармана резиновые перчатки. Натянув перчатку на ладонь, Сакурако-сан, не раздумывая, протягивает руку к плоду.

— Здесь написано, что его нельзя трогать.

— Верно, он ядовитый.

— А?

Она опускается на колени и внимательно рассматривает стебли с плодами на них.

— Что ты делаешь?

— Собираю доказательства… а, вот оно. Посмотри. — говорит Сакурако-сан, показывая на свою руку. — Были ли следы этого фрукта на месте преступления? Вспомни.

Трудно разглядеть из-за тусклого освещения, но когда я смотрю на её руки, то вижу следы там, где были стебли.

— Что это? — спрашиваю я. Сакурако-сан кладет на мою ладонь перезревший, сморщенный плод, чтобы показать мне его.

— Он похож на чернику, но в нем содержится смертельный яд. Дети легко умирают от них, а взрослый может умереть всего от десяти штук.

— От десяти? — снова у меня мурашки по позвоночнику.

— Не может быть... У Киёми-сан он рос?

— Возможно. — Сакурако-сан кивает. — Смертоносный паслен.

— Смертельный паслен?! Это?!

Теперь я понимаю, что это за растение. Паслен — один из ядов, часто используемых в мистериях, наряду с волчьим ядом.

— О да, потому что это японский вид. Не совсем то же самое растение, но свойства примерно те же самые.

У меня начинают слабеть колени, пока я слушаю её. Я сажусь, обнимаю ноги и утыкаюсь лицом в колени.

— Почему? Почему Киёми-сан умерла именно так?

— Симптомы отравления пасленом включают бред и галлюцинации.

— Бред…

Понятно.

— Тогда беспорядок в комнате — не из-за драки, а…

— Похоже, что человеком, с которым она дралась, была она сама.

— Но только это…

Я начинаю говорить, но Сакурако-сан тычет мне пальцем в голову. Я поднимаю лицо, и Сакурако-сан приседает рядом и смотрит на меня. Девушка постукивает пальцем по виску над левым глазом, и я моргаю, глядя на неё.

— А?

— Глаза.

— Глаза?

— Ты помнишь, что её глаза выглядели немного не так?

— Я не…

И, хотя я ответил именно так, это правда, что глаза выглядели странно. Широко открытые и словно затянутые пеленой.

— Зрачки были расширены.

— Что значит…

— Это было трудно понять, поскольку помутнение роговицы уже началось, но они определенно были широко открыты. Типичные симптомы отравления пасленом. Ты упомянул, что её жених — офтальмолог.

Я киваю и смотрю вниз.

— Женщины использовали паслен, чтобы сделать глаза красивыми, так что она, должно быть, слышала об этом от своего жениха, и она также могла знать об атропине, поскольку работала фармацевтом. Возможно, она любила таинственные романы.

После объяснений Сакурако из динамика медленно льется вальс BGM, свидетельствующий о закрытии сада. Грустная мелодия заставляет проникнуться чувством печали.

— Я не знаю, запланировано это или просто совпадение…

Поскольку она так любила растения, она могла прийти сюда, чтобы отвлечься от случившегося, и увидеть этот плод. Или всё могло иметь скрытый смысл. Для жениха паслен мог содержать особое послание — на языке цветов он означает молчание.

— Молчание…

Впервые это слово прозвучало так печально.

— Ну вот, вчера она пришла сюда, молча забрала этот плод домой и съела его в своей комнате. Не так-то просто принять смертельную дозу. Но она фармацевт. Скорее всего, она положила его в капсулу и приняла необходимое для смерти количество. Симптомы проявляются примерно через полчаса-час.

— Тогда…

— Она приняла смертельную дозу. Вероятно, страдала от ужасного бреда, и это было мучительно. Рубашка, разорванная на груди, и выражение агонии кажутся убедительными уликами… Рвотных масс в том месте было немного, так что, наверное, она готовилась. У неё было недержание, но, похоже, Киёми не испражнялась, так что она, должно быть, позаботилась о том, чтобы желудок был пуст накануне. И чтобы самоубийство не превратилось

в отвратительное зрелище.

Сакурако-сан снова трогает меня за плечо. Она начинает вставать, и я следую за ней.

— Если считать самоубийство убийством, то это, безусловно, убийство в запертой комнате. Вероятно, она плотно заперла комнату, чтобы её никто не побеспокоил. Наверное, она очень хотела умереть. Возможно, при обыске обнаружится предсмертная записка.

— Тогда…

В конце концов, смерть Киёми-сан не была ошибкой. Самоубийство, не так ли? Это даже не вопрос.

— Значит, хорошо, что мы сразу отмели версию о насильственной смерти.

— Сама себя убила… как жаль!..

Конечно, всё равно было бы неприятно, окажись это убийством. Однако выводы делают слишком больно. Я закрываю лицо руками.

— Понятно. Хотя я не знаю, как далеко можно зайти на таких предположениях. Младшая сестра и жених определенно состояли в отношениях. Как бы ты поступил?

— Я бы разорвал отношения с этими двумя. Всё лучше, чем умереть!

Это те двое плохие! Сакурако-сан прищурилась, когда я повысил голос.

— Чем сильнее вспыхивают человеческие эмоции, тем больше они мешают. Но они всё равно сгорают. Даже если разорвать с ними связь, это не заставит прошлое уйти. Она бы слишком переживала для того, чтобы выходить замуж в присутствии младшей сестры.

— Ну, она могла бы расстаться с ним… и найти кого-то получше.

— Верно, но что, если она не захотела?

Сакурако-сан медленно моргнула.

— А что, если её любовь к этому человеку по-прежнему жива, даже после того, как он её предал?

— Значит, лучше смириться и умереть?

Она вдруг разражается хохотом.

— Сакурако-сан..."

Я стою и нюхаю влажный воздух, слушая женский смех.

— Она смогла. На самом деле, она наконец-то добилась того парня.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю наверняка, будут ли отношения между женихом и младшей сестрой упомянуты в предсмертной записке, которую найдет полиция. Даже в больнице, где они работают, наверняка заметили, что их отношения немного изменились — ну, а с такими аспектами, как потерянные члены семьи и тому подобное, им будет трудно продолжать отношения. Либо один, либо оба добивались чего-то, что требовало от них брака, так что, скорее всего, жених вовсе не испытывал чувств к погибшей. Чувства раскаяния и сожаления будут дуть холодным ветром в отношения между младшей сестрой и женихом. Вообще… ты видел этих двоих раньше? Похоже, они играют с огнем, и он может разгореться до восьмисот градусов, если они зайдут слишком далеко.

Похоже, температура для кремации составляет восемьсот градусов. Сакурако-сан смеется заливисто. Я не хочу больше ничего слышать. Сакурако-сан больше ничего и не говорит, просто молча смотрит на меня. В тишине мы выходим из ботанического сада на широкую улицу.

На улице уже темно, и даже в пальто прохладно. Снова начинает падать снег. Сакурако-сан открывает рот, но слышен только стук наших ботинок по свежевыпавшему снегу.

— Мертвые не умеют говорить и не умеют оправдываться — поэтому ничто не может конкурировать. Даже если живые так красноречивы, разговоры всегда односторонние, никто никогда не слушает друг друга.

Фары нескольких машин текут в том направлении, куда мы направляемся. Среди них одна машина направляется в нашу сторону, и мы смотрим, как она медленно въезжает на боковую улицу. Свет напоминает мне фонари, которые я видел, когда играл у бабушки в детстве.

— Грустишь из-за неё? Я бы не стала. Она была хитрой, самоуверенной женщиной. Эта женщина с помощью насилия, грубости, силы овладела сердцем жениха так, что он не мог высказаться. Это далеко не печально, она была страшным человеком. Постепенно его сердце было изъедено, словно отравлено

Слова Сакурако прозвучали мимо моих ушей крайне неприятно.

— Разве?

Я вздыхаю, пытаясь пройти по следам Сакурако-сан.

— Я не могу поверить, что она действительно умерла - после всех этих грустных разговоров только об этом и думаю.

Когда смотрю на небо, на мои веки падают белые, легкие, крупные снежинки. Они холодные, но вскоре тают и стекают по щекам, как слезы.

— Бесспорно, она хотела поговорить о важных для неё людях, о тех, кого она любит, поговорить, обвинить одних, сказать плохо о других…

Сакурако-сан не нужно понимать. Я не был очень близок с Киёми-сан. Однако ошибиться невозможно.

— Я уверен, что Киёми-сан была прекрасным человеком с чистым сердцем

…в тот день в вечерних новостях на Хоккайдо показали репортаж о госпоже Киёми. Там были строки и о самоубийстве, и об убийстве, но смерть её оказалась самоубийством, о чем говорилось в утренней газете на следующий день. Через несколько дней мама узнала, что Ёсими-сан уволилась из больницы.

— Я была удивлена, что у них роман! — мама удивляется, а я совсем нет.

Но я не хочу этого слышать. И я больше никогда не хочу ходить на квартиру. Каким бы жарким ни был день, никто больше не принесет мне мятного чая. Такое ощущение, что время, проведенное с Киёми-сан, пролетело как один миг. Ведь до своей смерти она не изменила мою жизнь кардинально. Нет, изменилась только одна вещь. Теперь у меня в комнате стоит плантация с плющом в форме звезды и мятой в форме сердца.

А через несколько недель мне на глаза попалась небольшая заметка в газете. Раскрашивая пластиковую модель, я замечаю, что газета вышла три дня назад.

— Это…

«Доктор, чья невеста покончила жизнь самоубийством? XX месяц, XX день, ранним утром жители района подозревают, что в реке Чиюубецу припаркован автомобиль, в котором находится врач из города. Было найдено тело господина Хасигути Такэёси (35 лет). Хотя

предсмертной записки найдено не было, в машине обнаружены следы сгоревших брикетов, а поскольку невеста господина Хасигути скончалась в прошлом месяце, этим делом занялась полиция. Несмотря на то, что вероятность самоубийства велика, мы ведем расследование со всем вниманием»

Моя рука, держащая пластиковую модель, дрожит. Я не знаю, отчего так: от шока, печали или гнева.

— Тогда почему ты не стал больше заботиться о Киёми-сан?

В тот день, когда господин Хасигути, стоя на снегу, ушел из жизни, по моей щеке скатилась слеза. Интересно, неужели он совершил такую глупость только для того, чтобы с сожалением бегать за ней? Если любил её, то почему предал? Теперь, когда Ёнсими осталась совсем одна, мне интересно, что она делает.

Интересно, удовлетворится ли Киёми-сан этим? Интересно, будет ли она счастлива на небесах от такого исхода?

Я отвратителен. И всё же я молюсь от всего сердца, чтобы эти две души были счастливы.

http://tl.rulate.ru/book/44891/3389180